

Огонек

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

№ 27 (327). 14 июля. (12-й год пролетарской революции) 1929 г.

ЧЕХОВ И ЗАПАД

Очерк А. Дейча

Лев Толстой как-то сказал Чехову:
— Вы русский! Да, очень, очень русский!

Такое мнение о Чехове, как о писателе специфически русском, крепко связанном только с русской действительностью, существовало долгое время и в широких читательских кругах, и среди литературных критиков. В самом деле, казалось, что на Западе, где жизнь течет по другим внешним формам, чашни и стремления чеховских героев явятся непонятными и неопределимыми, пожалуй, даже смешными. Написал ведь один американский профессор, посетивший Москву за несколько лет до войны и посмотревший "Три сестры" в Художественном театре:

— Отсутствие удобного транспорта в России сказывается в произведении Чехова. Три сестры — героини пьесы — томятся в глухой провинции, рвутся в Москву, но не могут никак выбраться туда из-за отсутствия средств передвижения.

Это забавное мнение американского "эксперта", скорее похожее на анекдот, свидетельствует о том непонимании Чехова, которое было далеко не единственным среди культурных людей Запада.

Сам Чехов никакой связи с писателями Запада не имел и не поддерживал. Во время своего пребывания за границей он не встречался и не дружил с иностранными писателями, и последние тоже очень мало знали Чехова при его жизни не только как человека, но и как писателя.

Популярность Чехова на Западе пришла после смерти писателя. Одним из первых написал об Антоне Чехове известный датский критик Георг Брандес (1904 г.). Обычно словоохотливый, Брандес на этот раз ограничился небольшим, довольно бесцветным этюдом. Брандес усматривает в Чехове природного пессимиста, и он делает огромную ошибку, не пытаясь найти объяснение печальному настроению Чехова в социальном укладе и политических условиях, а выводил их из "свойств русской души".

Нет ничего удивительного в том, что социальный облик Чехова не был определен и разгадан западной критикой. Ведь даже русская критика долгое время не находила в его творчестве никаких иных черт, кроме оплакивания ничтожности жизни "лишних людей".

В первые десятилетия после смерти Чехова Запад почти не интересовался его произведениями. Правда, во французских, немецких, английских периодических изданиях мы находим порой переводы его рассказов; выходит и отдельные сборники, переводят его пьесы. Но особого успеха Чехов не имеет. Война, естественно, отдала интерес к литературе прошлой эпохи. Германские шовинисты уничтожили памятник писателю в Баденвейлере и перелили чугун памятника на снаряды.

Но после войны, так, примерно, с 1920 года, начинается небывалый доселе интерес к творчеству Чехова. Чем он объясняется? Почему во Франции, в Германии, в Англии, в Японии, в Испании начинают переводить, играть на сцене и комментировать Чехова? На наш взгляд, объяснение этому явлению надо искать прежде всего в той огромной переоценке ценностей, которая произошла на Западе после великих потрясений мировой войны.

По существу своему Чехов явился выразителем мирозерования определенной общественной группы дореволюционной России. Он выражал настроения и идеалы мелко-буржуазной, мещанской интеллигенции, и эта мелко-буржуазная стихия, всколыхнувшаяся на Западе, учащаяся относиться отрицательно к господству крупной буржуазии и капитализма, — она чувствует вместе с тем свою половинчатость, раздвоенность, беспомощность. Немецкому мелкому буржуа, французскому буржуа, французскому провинциалу, японскому мещанину-обывателю становится вдруг понятны "чеховские настроения", как далекие перемены того, что мучит и терзает их в настоящее время. Но не надо забывать, что у Чехова, на ряду с пессимистическими нотами, звучат и жизнеглагольные тона либерала-общественника, жаждущего "здоровой смышлой бури", которая сломает с нашего общества лень, равнодушие к труду, гниющую скуку". И эти настроения тоже свойственны мелкому буржуазному Западу, жгущей этой бури и боящейся ее вместе с тем.

И вот иностранный критик наших дней, вчитываясь в Чехова, находит в нем уже не далекого и непонятного аксиотика, а глубокую человечность, большую этическое чувство, привлекающую к себе читателей. Французский критик Э. Жалу пишет: "Чехов не мог бы очаровывать до такой степени русских, англичан, французов и японцев, если бы он не был общечеловеческим мыслителем".

Если во Франции нет прямых подражателей Чехову, то можно было бы указать на ряд писателей, проникнутых "чеховскими настроениями", выросшими на другой почве; Чехова усердно переводят во Франции, и сейчас издатель Плон выпускает в новых переводах собрание сочинений Чехова. Чехов-драматург также привлекает внимание французских театров. В этом сезоне в Париже в "Театр дез Ари" сыграны "Три сестры", и французская печать отозвалась с большой похвалой о пьесе и постановке Питеве.

В Германии также наблюдается значительный интерес к творчеству Чехова. Весьма показательной является постановка юношеской пьесы Чехова в провинциальном немецком театре в Гере в сезон 1927/28 г. Пьеса эта, шедшая под названием "Лишний человек Платонов", была недавно найдена в Москве и опубликована Центрахивом. Пьеса эта, отдаленно напоминающая "Дядю Ваню", шла с большим успехом в Гере и выдержала множество представлений. В программе спектакля мы находим краткий комментарий произведений Чехова, и автор статьи (Фюлон-Миллер) пытается вскрыть социальную сущность драмы, указывая, что герой

драмы — Платонов — интеллигент, стоящий между классами общества, сознающий предстоящую гибель этого общества и носящий в себе яд безволия и ненужности.

За последние годы в Германии вышли в ряде издательства пьесы и пьесы Чехова в новых переводах.

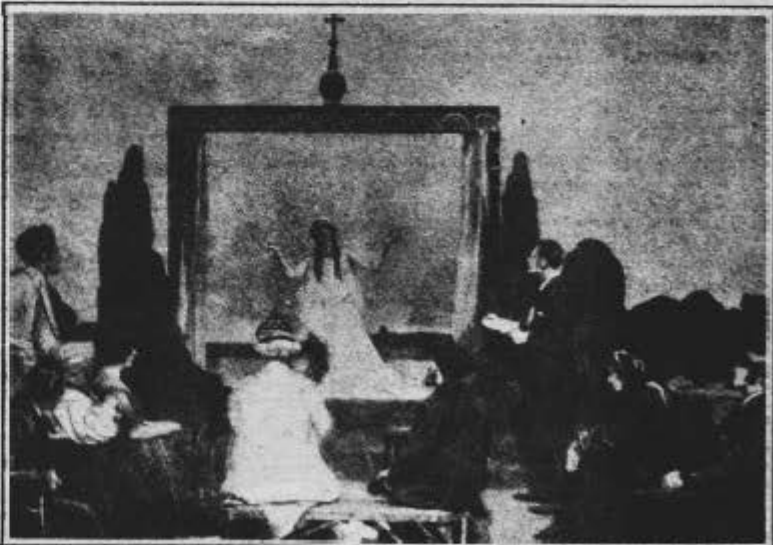
Особенно сильно влияние Чехова в Англии. Достаточно процитировать отзыв о Чехове из последнего издания знаменитой "Британской Энциклопедии", чтобы почувствовать, какие глубокие корни пустило творчество Чехова в Англии: "К 1926 году влияние Чехова достигло своего апогея. Англия оказалась особенно восприимчивой к его обаянию. Английские критики даже называют Чехова величайшим драматургом со времен Шекспира. Нет никакого сомнения в том, что английская литература воспользовалась методами Чехова не меньше, чем русская, и если можно говорить о школе Чехова, то ее надо искать в Англии".

Чехов драматург заинтересовал английские театры, и в 1925 году в Лондоне была поставлена "Чайка". Постановка не обходилась без некоторых "иллюзий", но тем не менее нашла себе восторженную оценку в английской прессе. Еще больше Чехов внедрился в репертуар японского театра. Несколько лет назад в Токио организован театр "Теукиджи", и в репертуаре этого современного театра чеховские пьесы играют первоочередную роль. Так, там поставлены "Вишневый сад", "Дядя Ваня" и другие пьесы. Мы уже указывали на те причины, которые привлекают внимание японского зрителя к творчеству Чехова. Быстрый рост японского капитализма, пролетаризация широких масс, возникновение кадров "лишних людей" в различных слоях общества, — все это, вместе взятое, создает в молодом японском зрителе настроения, близкие чеховским.

Не случайно то обстоятельство, что мир, оправившись после военных потрясений, обращается к чеховским мотивам и ищет в них каких-то толчков для раздумий. Зритель и читатель Запада могут видеть, что пессимизм, слабование, апатичность загоняют людей в стоячее и гниющее болото, в мещанское прозябание.

Английская артистка Валерия Тайлор в роли Нины Заречной в "Чайке".

"Чайка" на сцене лондонского театра. Сцена 1-го действия

В этой основной тенденции есть уже будирующее, зовущее к борьбе начало, и с такой точки зрения творчество Чехова может играть для обывательских масс Запада, знакомящихся с ним, до некоторой степени революционизирующее значение.

А. Дейч